III. СИЗИГИЯ : АНИМА И АНИМУС

Что же это за фактор, создающий проекции. На Восто-ке его называют "Пряхой" [1] - Майей, своим танцем порож-дающей иллюзии. Даже если бы мы заранее не знали символики сновидений, этот идущий с Востока намек навел бы нас на верный след: окутывающий, объемлющий и поглощающий элемент безошибочно указывает на мать [2], то есть на отношение сына к его реальной матери, к ее образу и к женщине, которая для него станет матерью. Его Эрос пассивен как у ребенка: он надеется быть пойманным, втянутым, окутанным и поглощенным. В действительности он стремится попасть в обороня-ющий и питающий материнский зачарованный круг, в состояние младенца, избавленного от всех хлопот, испы-тывающего на себе заботу всего мира, который прямо-таки заставляет его быть счастливым. Неудивительно, что реальность исчезает из поля зрения!

Если эта ситуация драматизируется (ибо бессозна-тельное обычно драматизирует ее), то мы видим перед собой, в психологическом плане, человека, живущего регрессивно, стремящегося вернуться в детство, к своей матери, бегущего от холодного жестокого мира, отказав-шего ему в понимании. Зачастую рядом с ним действи-тельно находится мать, которая внешне немало заботиться о том, чтобы ее сын стал мужчиной, но на деле не пренебрегает ничем в своих неустанных жертвенных стараниях помешать ему повзрослеть и жениться. Между матерью и сыном имеется тайный заговор, и можно наблюдать, как каждый из них помогает другому в преда-тельстве по отношению к жизни.

Кто из них виновен в этом - мать или сын? По всей вероятности, оба. Неудовлетворенную тоску сына по жизни и по внешнему миру следует принимать всерьез. У него есть подлинное желание соприкоснуться с реаль-ностью, заключить в объятия землю и заставить житейс-кую ниву приносить плоды. Однако же все, что он делает, - не более чем серия судорожных попыток, ибо и его инициатива, и его способность к постоянству подор-ваны таящейся в нем памятью о том, что мир и счастье в мире можно получить как дар - от матери. Тот участок мира, с которым он, как всякий человек, вынужден сталкиваться снова и снова, всегда в какой-то степени неправилен, поскольку не падает ему в руки, не бежит навстречу, а сопротивляется, требует

завоевывать себя и слушается только силу. Он, этот мир, предъявляет требо-вания к мужеству человека, к его рвению, прежде всего - к его смелости и решимости, когда доходит до того, что самое бытие его ложится на чашу весов. Здесь ему потребуется вероломный Эрос, способный подвигнуть его на забвение матери и на тяготы первой любви в его жизни. Но мать, предвидя такую опасность, старательно воспитывала в нем добродетель верности и преданности, дабы предохранить его от риска моральной дезинтег-рации, сопутствующего любым жизненным перипетиям. Он слишком хорошо усвоил эти уроки, а потому остается верен матери. Это естественным образом вызывает у нее глубочайшую обеспокоенность (например, если в резуль-тате, он окажется гомосексуальным), но в то же время и дает ей бессознательное удовлетворение несомненно мифо-логического свойства. Ибо воцарившиеся теперь отно-шения между ними воплощают древнейший, священ-нейший архетип брака матери с сыном. В конце концов, что этот пошлый мир, с его актами гражданской регистра-ции, конвертами с зарплатой и ежемесячными взносами за квартиру, может предложить такого, что смогло бы перевесить мистический трепет *иерогамии?* Что окажет-ся важнее увенчанной звездами женщины, преследуемой драконом, или же благочестивой тьмы, скрывающей брак Агнца?

Этот миф более, чем какой-либо другой, иллюстрирует природу коллективного бессознательного. На данном уровне мать одновременно стара и молода, она - и Деметра и Персефона, а сын - одновременно и супруг и дремлющий, свернувшись клубочком, младенец. Несо-вершенства реальной жизни с ее трудностями приспособ-ления и многочисленными разочарованиями конечно же никак не могут конкурировать с этим состоянием не-описуемого совершенства.

Что касается сына, фактор, порождающий у него про-екции, идентичен с образом матери, вследствие этого замещающим реальную мать. Проекция может быть ус-транена лишь тогда, когда сын увидит, что в царстве его психе присутствует образ не только матери, но и дочери, и сестры, и возлюбленной, и небесной богини, и хтонической Баубо. Любая мать и каждая возлюбленная вы-нужденно превращается в носительницу и воплощение этого вездесущего нестареющего образа, соответствую-щего глубочайшей внутренней реальности мужчины. Этот небезобидный образ Женщины принадлежит ему, мужчине; она замещает собой ту верность, от которой он иногда вынужден отказаться в интересах жизни; она служит столь необходимой компенсацией за риски, жер-тву и борьбу, завершающуюся разочарованием; она -утешение за всю горечь жизни. И, в то же время, она - великая фокусница и соблазнительница, своей Майей завлекающая его в жизнь, - не только в ее осмысленные и полезные аспекты, но и в ее пугающие парадоксы и двусмысленности, сопряженные с балансированием между добром и злом, успехом и крахом, надеждой и отчаянием. Она, будучи источником наибольшей опас-ности для мужчины, требует от него максимальных усилий; и если он способен на них, то она отнесется к этому с благосклонностью.

Этот образ Шпиттелер называет "Госпожа Душа". Вместо такого названия, я предложил термин "анима", чтобы указать на нечто специфическое, для чего слово "душа" оказывается слишком общим и расплывчатым обозначением. Эмпирической реальностью, которую суммирует понятие анимы, является крайне драматичес-кое по характеру содержимое бессознательного. Его, ко-нечно, можно описать рациональным научным языком; но тогда совершенно не удается выразить его живые харак-теристики. А потому при описании процессов жизни психе я намеренно и сознательно отдаю предпочтение драматическому, мифологическому способу мыслить и говорить: он не только более выразителен, но и более точен, чем абстрактная научная терминология, привы-чная игра которой - думать, что ее теоретические фор-мулировки в один прекрасный день станут алгеб-раическими уравнениями.

Итак, фактором, порождающим проекции, выступает анима, точнее - бессознательное, представляемое анимой.

Появляясь в снах, видениях и фантазиях, она всегда принимает персонифицированную форму, показывая тем самым, что воплощенный в ней фактор обладает всеми примечательными характеристиками женского сущест-ва [3]. Она - не измышление сознания, а спонтанный про-дукт бессознательного. Она также - и не фигура, замеща-ющая мать. Напротив, есть все основания считать нуминозные свойства, наделяющие материнский образ столь опасной силой, производными от коллективного архетипа анимы, заново обретающего плоть в каждом ребенке мужского пола.

Поскольку анима представляет собой архетип, обна-руживающийся у мужчин, то разумно будет предпо-ложить, что некий эквивалентный архетип должен иметь-ся и у женщин; ибо как женский элемент служит компен-сацией мужчине, так и мужской - компенсацией женщине. Я, однако, не хочу, чтобы из-за подобной аргументации создалось впечатление, что к установ-лению указанных компенсаторных отношений мы пришли путем дедукции. Напротив: для эмпирического постиже-ния природы анимы и анимуса понадобился обширный, долгий и разнообразный опыт. Таким образом, все, что мы скажем об этих архетипах, либо поддается прямой проверке, либо благодаря фактам становится как мини-мум весьма вероятным. Вместе с тем, я полностью отдаю себе отчет в том, что сейчас мы обсуждаем пионерскую работу, по самой своей природе носящую временный характер.

Как мать для сына, так и отец для дочери оказывается первым, на кого фактор,

содержащий проекции, наклады-вает их. Практический опыт такого рода отношений скла-дывается из множества индивидуальных случаев, предос-тавляющих в наше распоряжение всевозможные вариа-ции на одну и ту же основную тему. Поэтому краткое их описание может быть только схематическим.

Компенсацией женщине служит мужской элемент; как следствие, ее бессознательное несет на себе, так сказать, маскулинный отпечаток. В результате возникает сущест-венное психологическое различие между мужчинами и женщинами, и я соответствующим образом назвал фак-тор, отвечающий за создание проекций у женщин, словом "анимус", что означает "разум" или "дух". Анимус соот-носится с отцовским Логосом, так же как анима - с материнским Эросом. Я, однако, не намерен давать этим двум интуитивным понятиям слишком уж специфические определения. Эрос и Логос я использую просто как вспомогательные понятия, позволяющие описать тот факт, что сознание женщины в большей мере харак-теризуется связующими свойствами Эроса, а не разли-чением и познанием, ассоциирующимися с Логосом. У мужчин Эрос, то есть функция отношения, достигает меньшего развития, чем Логос. Напротив, для женщин Эрос - выражение их подлинной природы, тогда как их Логос зачастую представляет собой всего лишь досадную ошибку. Он порождает недоразумения, а исходящие от него интерпретации вызывают раздражение у друзей и родственников. Так происходит потому, что женский Логос составлен из *мнений,* заменяющих собою размыш-ления; под мнениями я подразумеваю
априорные
предпо-ложения, претендующие на абсолютную истинность. Всем известно, что предположения такого рода могут

быть невероятно раздражающими. Поскольку анимус -великий спорщик, его действия лучше всего наблюдать во время тех дискуссий, в которых обе стороны считают себя правыми. Мужчины также способны спорить очень по-женски, когда бывают одержимы анимой и превраща-ются, таким образом, в анимус своей собственной анимы. Проблема тогда становится предметом их личных обид и тщеславия (как если бы они были женщинами); для женщин же она становится вопросом
силы -
силы истины, справедливости или какого-нибудь "изма", пос-кольку об их тщеславии уже успел позаботиться парик-махер. В женской аргументации большую роль всегда играет "Отец" (то есть, сумма расхожих мнений). Сколь бы дружелюбным и любезным ни был Эрос женщины, никакая логика на свете не сдвинет ее с места, если ею движет анимус. У мужчины зачастую возникает ощу-щение (не такое уж неверное), что только соблазнение, побои или насилие смогли бы оказать необходимое воз-действие. Он не осознает, что эта в высшей степени драматическая ситуация тотчас бы пришла к банальному и тихому завершению, если бы он покинул поле битвы, оставив какой-нибудь другой женщине право продолжать сражение (своей жене, например, если она сама и не есть та "лошадь, которую занесло"). Такая здравая мысль почти никогда не приходит ему на ум, поскольку ни один мужчина не способен долее пяти минут разговаривать с анимусом и не пасть жертвой своей собственной анимы. Всякий, у кого достанет чувства

юмора, чтобы беспри-страстно выслушать вытекающий диалог, будет просто поражен изобилием общих мест, некстати применяемых трюизмов, клише, взятых из газет и романов, и всякого рода затертых банальностей, перемежающихся грубыми передергиваниями и умопомрачительным отсутствием логики. Этот диалог, независимо от его участников, пов-торяется многие миллионы раз на всех языках мира, всегда оставаясь в сущности одним и тем же.

Указанным примечательным фактом мы обязаны сле-дующему обстоятельству: когда сходятся вместе анимус и анима, то анимус вынимает из ножен меч силы, а анима источает яд иллюзий и соблазна. Исход далеко не всегда отрицателен, так как оба участника в этой ситуации способны влюбиться (особый случай любви с первого взгляда). Язык любви удивительно однообразен, он поль-зуется затасканными формулами с безграничным дове-рием и пиететом, и двое партнеров в который раз оказы-ваются в банальной коллективной ситуации. При этом они разделяют иллюзию совершенно индивидуального отношения друг к другу.

Как в своих положительных, так и в своих отрицатель-ных аспектах отношение "анима/анимус" всегда перегру-жено "ожесточенностью"; то есть оно эмоционально и, следовательно, коллективно. Аффекты понижают уровень отношений, приближая их к общей инстинктивной основе, где уже не может быть и речи о чем-то индивидуальном. Часто отношения продолжают идти своим путем незави-симо от людей, участвующих в них, И люди эти впос-ледствии не знают, что же все-таки случилось с ними.

Если облако "ожесточенности", окутывающее муж-чину, состоит главным образом из чувствительности и раздражения, то у женщины оно выражает себя в виде упрямых мнений, предвзятых интерпретаций, инсинуа-ций, непонимания; все это направлено к тому, чтобы разрушить отношения двух человеческих существ (ино-гда эта цель успешно достигается). Женщина, как и мужчина, попадается в сеть иллюзий, сплетенных ее ближним демоном, и в своем качестве дочери, которая одна лишь понимает отца (то есть, всегда во всем права), переносится в некую волшебную страну, где она подобно овце пасется на лугу под присмотром пастуха - своего анимуса.

Анимус, как и анима, имеет также положительный аспект. Посредством фигуры отца он выражает не только расхожие мнения, но равным образом и то, что мы обычно называем духом, в частности - философские или религиозные идеи, или же, скорее, соответствующую им позицию. Анимус, таким образом, исполняет роль психопомпа, посредника между сознанием и бессознательным и персонифицирует последнее. Как анима, будучи инте-грирована, становится Эросом сознания, так и анимус становится

Логосом; и, как анима наделяет сознание мужчины соотнесенностью и способностью вступать в отношения, так анимус придает сознанию женщины спо-собность к рефлексии, обдумыванию, самопознанию.

Действие анимы и анимуса на эго в принципе одно и то же. Это действие крайне трудно устранить, ибо оно, во-первых, обладает необычайной силой и мгновенно наполняет эго-личность несокрушимым чувством правоты и праведности. Во-вторых, исходная причина этого действия оказывается спроецированной и представляется заключенной в объектах и объективных ситуациях. Пола-гаю, обе названные характеристики можно проследить в качестве особенностей, присущих архетипу. Ведь архе-тип, конечно же, существует *априорно.* Возможно, этим объясняется зачастую совершенно иррациональное, но бесспорное и несомненное существование определенных настроений и предубеждений. Вероятно, на них также трудно повлиять именно из-за мощного суггестивного эффекта, исходящего от архетипа. Он зачаровывает соз-нание, берет его в плен, как бы гипнотизирует. Эго при этом часто испытывает смутное чувство морального пора-жения, после чего ведет себя еще более оборонительно, самоуверенно, с еще большим вызовом, создавая тем самым порочный круг, лишь усиливающий его чувство неполноценности. Тогда из-под человеческих отношений выбивается почва, ибо как мания величия, так и комплекс неполноценности делает невозможным взаимное при-знание, без которого отношений не бывает.

Как уже говорилось, легче проникнуть взглядом в тень, чем в аниму или анимус. Общаясь с тенью, мы имеем некоторое преимущество, даваемое нам нашим образованием, всегда старавшимся убедить людей в том, что они сделаны отнюдь не из чистого золота. Поэтому каждому из нас сразу же становится понятно, что подра-зумевается под "тенью", "низшими сторонами личности" и т.п. Если человек забыл об этом, его память с легкостью освежат воскресная проповедь, жена или налоговый инспектор. Однако если мы имеет дело с анимой либо анимусом, все не так просто. Во-первых, образование морального характера в данном плане отсутствует, а во-вторых, большинство людей вполне удовлетворяются своей самоуверенностью и предпочитают поносить друг друга (если не хуже!), но не признавать свои проекции. В самом деле, наличие иррациональных настроений у мужчин и иррациональных мнений у женщин кажется чем-то естественным. Можно предположить, что такое положение дел имеет инстинктивную основу и должно сохраниться навсегда, дабы увековечить Эмпедоклову игру любви и ненависти между элементами. Природа консервативна и неохотно допускает смену своего пути; самым упрямым образом она обороняет неприкосновен-ность заповедников, где обитают анима и анимус. Поэто-му осознать проекции анимы/анимуса намного труднее, чем признать свою теневую сторону. В обоих случаях нужно, конечно, преодолевать определенные моральные преграды в виде тщеславия, амбиций, самомнения, разд-ражения и т.п., однако в случае проекций к ним прибав-ляются всякого рода интеллектуальные затруднения, не говоря уже о содержимом проекции, с которым попросту неведомо что делать. В довершение всего

появляются сильные сомнения насчет того, не чересчур ли мы вмешиваемся в дела природы, извлекая на свет сознания вещи, которые лучше было бы оставить в покое.

Хотя я на своем веку встречал немалое число людей, способных без особых интеллектуальных и моральных затруднений понять, что подразумевается под анимой и анимусом, попадается и великое множество других, кому стоит большого труда увидеть в этих эмпирических понятиях что-либо конкретное. Это показывает, что эти понятия отчасти выходят за рамки повседневного опыта. Их непопулярность обусловлена именно их непривы-чностью. Как следствие, против них мобилизуются пред-рассудки, и указанные понятия табуируются, подобно всему неожиданному.

Так что потребовав рассеять проекции, поскольку это принесет пользу и преимущества во всех отношениях, мы сразу же вступаем на новую территорию. До сих пор каждый был убежден, что такие представления как "мой отец", "моя мать" и т.д., представляют собой не что иное, как верное отображение реальных родителей, во всех Деталях соответствующее оригиналу, и что, если кто-нибудь произносит слова "мой отец", за ними стоит именно то, чем его отец является в реальности. Человек и в самом деле думает, что имеет в виду своего реального отца; однако же, предположение о тождестве ничуть не создает самого тождества. Вот где вступает в действие заблуждение *enkekalymmenos* ("скрытый под покрыва-лом")[4]. Если в свое психологическое уравнение некий Икс введет имеющийся у него образ отца, который он отождествляет со вполне реальным отцом, уравнение не будет решаться, так как включенная в него неизвестная величина не согласуется с реальностью. Наш Икс пренеб-рег тем фактом, что его представление о человеке состоит, во-первых, из полученной им по всей вероят-ности весьма неполной картины облика реального лица и, во-вторых, из проделанных им самим субъективных модификаций этой картины. Представление Икса о своем отце есть некая комплексная величина, за которую реаль-ный отец отвечает лишь частично, а значительно большая доля ответственности за нее лежит на сыне. Это настоль-ко верно, что всякий раз, когда последний либо критикует, либо превозносит своего отца, он бессозна-тельно метит в самого себя, тем самым вызывая те же психические последствия, что и у людей, склонных пре-небрежительно высказываться о себе или же, напротив, себя перехваливать. Однако, если Икс тщательно сопос-тавит свои реакции с реальностью, он получит шанс заметить, что допустил просчет, когда-то не сумев понять на основании поведения отца ложность своего представления о нем. Но, как правило, всякий Икс уверен в своей правоте, - а если кто-то и неправ, это без сомнения, другой. Если у нашего Икса недостаточно развит Эрос, то либо он останется индифферентным к неадекватным отношениям, сложившимся у него с отцом, либо его будет раздражать непоследовательность и вообще непости-жимость отца, чье поведение на самом деле никогда не соответствует тому, каким Икс видит его. Вследствие этого Икс считает, что имеет полное право чувствовать себя обижаемым, непонимаемым и даже предаваемым.

Нетрудно представить себе, насколько желательно было бы в таких случаях устранить проекцию. И всегда находятся оптимисты, верящие в наступление золотого века сразу же, как только людям будет указан правиль-ный путь. Однако, пусть попробуют объяснить этим самым людям, что те ведут себя подобно собаке, охотя-щейся за собственным хвостом. Чтобы заставить челове-ка увидеть изъяны своей позиции, нужно гораздо больше, чем просто "сказать" ему, ибо в деле задействовано нечто большее, чем все подвластное обычному здравому смыс-лу. Здесь мы сталкиваемся со своего рода фатальным непониманием, в обычных условиях всегда остающимся вне пределов досягаемости. Это все равно, что ожидать от среднего законопослушного гражданина, чтобы он признал себя преступником.

Я упоминаю обо всем этом лишь для того, чтобы продемонстрировать порядок величины проекций анимы/анимуса, равно как и необходимых для их устра-нения моральных и интеллектуальных усилий. Не все содержимое анимы и анимуса, однако, является спро-ецированным. Многие из его компонентов спонтанно проявляются в снах и тому подобном; многие другие могут быть осознаны с помощью активного воображения. Так мы узнаем, что в нас живут мысли, чувства и аффекты, о возможности которых мы никогда и не подоз-ревали. Естественно, подобная возможность покажется сущей фантастикой любому, кто не испытал ее на себе, -ибо нормальный человек "знает, что он думает". Столь детская поза, принимаемая "нормальным человеком", пред-ставляет собой попросту правило, и ни от кого неискушен-ного в данной сфере невозможно ожидать понимания действительной природы анимы и анимуса. Приведенные соображения вводят нас в совершенно новый мир психологического опыта, если, конечно, мы преуспеем в осуществлении его на практике. Тот, кто преуспеет, будет озадачен, узнав, насколько многого не ведает и никогда не ведало эго. Такие достижения в самопознании в наши дни все еще крайне редки, и обычно они заранее оплачены неврозом, если не чем-нибудь худшим.

В фигурах анимы и анимуса получает свое выражение автономный характер коллективного бессознательного. Эти фигуры персонифицируют те элементы его содержимого, которые, будучи извлеченными из проекций, способны интегрироваться в сознание. В этом смысле обе фигуры представляют *функции,* отфильтровывающие со-держимое коллективного бессознательного и передающие его сознанию. Их поведение, однако, таково лишь до тех пор, пока тенденции сознания и бессознательного расх-одятся не слишком сильно. Если же возникает какое-либо напряжение, эти функции, прежде безобидные, в пер-сонифицированной форме входят в конфронтацию с соз-нанием и ведут себя как целые системы, отколовшиеся от личности, или как некие частичные души. Данное срав-нение неверно лишь в одном: ничего из ранее принадле-жавшего эго-личности не откалывалось от нее - на-против, две упомянутые фигуры представляют беспокой-ное приращение к ней. Причина

подобного их поведения в том, что, хотя
содержимое
анимы и анимуса поддается интеграции, сами они не могут быть интегрированы, поскольку являются архетипами. В таком своем качестве они образуют фундамент психической структуры, в своей совокупности выходящей за пределы сознания и, следо-вательно, не могущей быть объектом непосредственного познания. Хотя действие анимы и анимуса можно осоз-нать, сами они суть факторы, лежащие вне сознания, недосягаемые для восприятия и воли. Поэтому, незави-симо от интеграции их содержаний, они остаются авто-номными, и об их присутствии всегда необходимо помнить. Последнее крайне важно с терапевтической точки зрения, ибо, непрерывно наблюдая за бессознатель-ным, мы отдаем ему ту дань, которая в большей или меньшей мере гарантирует его сотрудничество. Как нам известно, с бессознательным невозможно "поладить" раз и навсегда. Фактически, одна из важнейших задач психической гигиены состоит в том, чтобы постоянно уделять внимание симптоматике бессознательных про-цессов и содержимого бессознательного, - по той простой причине, что сознательная психика подвергается опас-ности стать однобокой, зациклиться на проторенных до-рожках или зайти в тупик. Дополнительная компенсаторная функция бессознательного дает возможность в какой-то мере избежать этих опасностей, которые особенно велики при неврозе. Полностью успешной компенсация бывает только в идеальных условиях, когда жизнь доста-точно проста, чтобы можно было без колебаний и ошибок бессознательно следовать извилистым путем инстинкта. Чем более цивилизован, сознателен и сложен человек, тем менее он может следовать инстинктам. Его услож-ненные жизненные условия и среда влияют с такой силой, что заглушают тихий голос природы; ее голос замещают мнения, верования, теории и коллективные тенденции, поддерживающие собой все аберрации созна-тельной психики. Чтобы компенсация заработала, в таких случаях необходимо специально обращать внимание на бессознательное. В этой связи особенно важно не предс-тавлять себе архетипы бессознательного как стремитель-но меняющуюся фантасмагорию неуловимых образов, но видеть в них постоянно действующие автономные факто-ры (ибо таковыми они и являются).

Как показывает практический опыт, оба вышеуказан-ных архетипа наделены фатальностью, иногда способной приводить к трагическим последствиям. Они, в букваль-ном смысле, - мать и отец всех губительных сплетений судеб, и в этом своем качестве издавна признаны повсюду в мире. Вместе они образуют божественную пару[5], один из членов которой, в соответствии с природой Логоса, характеризуется
пневмой
и
nous (
Разум (греч.) -
Прим. пер.
),
подобно Гермесу, пос-тоянно меняющему цвета, тогда как второй, сообразно своей периоде Эроса, наделен чертами Афродиты, Елены (Селены), Персефоны и Гекаты.

Оба представляют собой бессознательные силы, фактических "богов", каковыми справедливо считал их древний мир. Называть их так -означает отвести им центральное положение на шкале психологических ценностей, принадлежавшее им всегда, независимо от того, признавалось ли оно на сознательном Уровне: ибо власть их возрастает пропорционально той мере, которую они оставляют в бессознательном. Те, кто не видит их, пребывают в их руках, - наподобие того, как эпидемия тифа более всего свирепствует, если его источник неизвестен. Даже в христианстве божественная пара не сошла на нет, но в лице Христа и Церкви - его невесты
[6]
заняла одно из высочайших мест. Такого рода параллели очень помогают нам в наших попытках отыс-кать верный критерий оценки значимости двух указанных архетипов. Все, что может сообщить о них сознание, малозначительно и почти незаметно. Лишь пролив свет на темные глубины психе и рассмотрев странные, извилистые пути человеческой судьбы, мы постепенно уясняли обширность влияния этих двух факторов, допол-няющих собой нашу сознательную жизнь.

Подводя итоги, я хотел бы подчеркнуть, что интег-рация тени, или осознание личного бессознательного, знаменует первый этап аналитического процесса, и что без него невозможно осуществить признание анимы и анимуса. Тень может быть осознана только через взаимо-отношения с партнером, анима же и анимус - только через отношения с партнером противоположного пола, ибо лишь внутри таких взаимоотношений начинают дей-ствовать их проекции. Признание анимы у мужчины создает триаду, одна треть которой трансцендентна: триада состоит из мужчины-субъекта, противоположного ему субъекта-женщины, и трансцендентной анимы. У женщины ситуация обратна. Недостающим четвертым элементом, который превратил бы триаду в тетраду, у мужчины будет архетип Мудрого Старца (мною здесь не обсуждавшийся), а у женщины - Хтонической Матери. Все четыре элемента вместе образуют наполовину имма-нентную и наполовину трансцендентную тетраду - архетип, который я называю *брачным кватернионом* [7]. Бр
ачный кватернион служит исходной схемой не только для самости, но также для структуры первобытного общества с его кросс-кузенными браками, брачными клас-сами и разделением поселения на четыре квартала. С другой стороны, самость есть образ Бога; по крайней мере, она неотличима от него. Духу раннего христианства не было чуждо знание об этом, - иначе вряд ли Климент Александрийский сказал бы, что тот, кто знает самого себя, знает и Бога
[8]
.

1 Erwin Rousselle, "Seelische Fuhrung im lebenden Taoismus", Pl.I, pp. 150, 170. Руссель называет пряху "животной душой". Имеется расхожая фраза "прялка пришла в движение". Я определил аниму
как
персонификацию бессознательного.

2 Здесь и далее, слово "мать" понимается не в его буквальном смысле, но в качестве символа всего, что обладает материнской функцией.

3 Анима, конечно же, является характерной фигурой в художест-венной литературе. В ч
исле
свежих
публикаций
об
аниме
: Linda Fierz-David,
The Dream of Poliphilo,
а
также
моя
"Psychology of the Transference".
Анима как психологическое понятие впервые появляет-ся в XVI в, у гуманиста Рихарда Вита. См. в моей работе
Mysterium
Coniunctionis
,
par
.91
ff
.

4 Данный парадокс, восходящий к Эвбулиду из Мегары, таков:

"Можешь ли ты узнать своего отца?" - Да. "Можешь ли ты узнать этого человека под покрывалом?" - Нет. "Этот человек под покрыва-лом - твой отец. Следовательно, ты и можешь узнать своего отца и не можешь узнать его".

5 Естественно, это - не психологическое и, тем более, не метафизическое определение. Как я указывал в "Отношение между Я и бессознательным", сизигию составляют три элемента: женское начало в мужчине и мужское начало в женщине; имеющийся у мужчины опыт общения с женщиной (и наоборот); и, наконец, мас-кулинный и фемининный архетипические образы. Первый элемент может быть интегрирован в структуру личности посредством процесса осознания, последний - не может.

6 "Ибо в Писании сказано: Бог создал мужское и женское; мужс-кое есть Христос, а женское есть Церковь". - *Второе послание Климента Коринфянам,* XIV, 2 (перевод Лейка I, p.151). В иконог-рафии место Церкви часто переходит к Марии.

7 "The Psychology of the Transference" Ср. ниже, пар. 358, *ква-тернион* наассенов.

8 Ср. ниже, пар. 347.